

Государственное и церковное регулирование богословского образования в России в первой четверти XVIII в.

А. Н. Красиков

Вологодская духовная семинария,
Российская Федерация, 160901, Вологда, ул. Монастырская, 2

Для цитирования: Красиков А. Н. Государственное и церковное регулирование богословского образования в России в первой четверти XVIII в. // Вопросы теологии. 2019. Т. 1, № 4. С. 532–540. <http://doi.org/10.21638/spbu28.2019.405>

В статье анализируется государственное и церковное правовое регулирование на этапе становления духовного образования в России. На основе нормативно-правовых актов и делопроизводственных материалов рассматривается политика Святейшего правительствующего синода в сфере формирования системы духовного образования в России в первой четверти XVIII в. В то время задача создания системы богословского образования стояла на повестке дня. В отличие от Западной Европы, в России до начала Нового времени такой системы не существовало, а острая необходимость в ее создании объяснялась потребностями разветвленной сети церковных приходов. Поэтому систему духовного образования пришлось выстраивать с нуля при достаточно высокой инертности духовного сословия. В статье показано, что основной целью синодальной политики была реализация воли высшей светской власти по созданию системы духовного образования, прежде всего цифирных и архиерейских школ. Эта практическая задача подразумевала реализацию норм «Духовного регламента», однако была затруднена как масштабностью и скоростью петровских реформ, так и рядом чисто бюрократических препон. Тем не менее в России постепенно складывались основные принципы духовного образования: сословности, преемственности, обязательности для принятия священного сана. Созданная в указанный период совокупность школ стала основой для дальнейшего поступательного развития духовного образования.

Ключевые слова: цифирные школы, архиерейские школы, Святейший правительствующий синод, богословское образование, принципы духовного образования.

Начало XVIII в., ознаменовавшееся активной модернизацией российского социума в рамках реформ Петра Великого, — время формирования целого ряда новых социальных институтов. Широкомасштабные реформы коснулись всех без исключения сфер жизни общества, в том числе достаточно консервативных, таких как религия, образование, повседневная

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019

© Общецерковная аспирантура и докторантура
им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, 2019

жизнь. В сфере государственно-церковных отношений был взят курс на секулярные реформы, первоначально выразившиеся в активном государственном регулировании церковных вопросов. В итоге этот курс привел к формированию синодальной системы управления Православной церковью в России.

Среди вопросов, стоявших на повестке дня в первой четверти XVIII в., важное место занимали проблемы духовного образования. Российская практика в этой области значительно отличалась от европейской. Московская Русь не знала западной университетской модели, предполагавшей теологические факультеты как неотъемлемую часть образовательной системы. Вполне можно утверждать, что в России к началу Нового времени не существовало целостной системы богословского образования и подготовки кандидатов на принятие священного сана, что создавало значительные сложности для функционирования огромной сети церковных приходов. В XVII в. был предпринят ряд мер, направленных на решение этой проблемы, однако в общегосударственном масштабе она оставалась нерешенной.

В настоящей статье будет проанализировано государственное и церковное правовое регулирование на этапе становления духовного образования в России. Процесс этот представляет значительный интерес, так как систему духовного образования пришлось выстраивать с нуля при достаточно высокой инертности духовного сословия.

Среди источников исследования — многотомные издания нормативно-правовых актов и делопроизводственной документации, такие как «Полное собрание законов Российской империи», «Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода», «Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи».

Основным документом, регулирующим духовное образование, стал изданный в 1721 г. «Духовный регламент», однако вопросы образования священнослужителей на государственном уровне были подняты гораздо раньше. Уже в 1708 г. детям священнослужителей и церковного причта было предписано обучаться в «греческих и латинских школах», этим же указом запрещалось рукоположение в сан диакона и иерея детей, не обучавшихся в данных учебных заведениях. Указ запрещал принимать детей из духовного сословия, не получивших образование, в любые другие чины, кроме солдатских, и был продублирован 11 ноября 1710 г.¹ Названным законодательным актам и указам не суждено было воплотиться в жизнь, так как в условиях Северной войны государство не смогло обеспечить их реализацию достаточными материальными и административными ресурсами.

Следующим шагом на пути к образовательной реформе стал именной указ от 28 февраля 1714 г., обязавший детей дворян и чиновников (за ис-

¹ Полное собрание законов Российской империи (собрание первое) (далее — ПСЗ). Т. IV. СПб., 1830. С. 581. № 2308.

ключением однодворцев) в возрасте от 10 до 15 лет «учить цифири и некоторую часть геометрии». Для этой цели в губернские города направлялись ученики математической школы из Санкт-Петербурга. Организационная работа по открытию школ возлагалась на архиереев и крупнейшие монастыри. Указ определял и важнейшие принципы работы цифирных школ (бесплатность образования, обязательность обучения, выдачу аттестата, запрет на вступление в брак до окончания школы)².

Главная проблема, с которой столкнулись цифирные школы, — кадровый дефицит. Механизм направления учителей из Москвы и Петербурга работал слабо. Так, по данным П. П. Пекарского, за весь период существования цифирных школ в епархиальные центры из столицы были отправлены 47 учителей³. Государство не смогло обеспечить повсеместное функционирование данных учебных заведений. Светский характер образования не позволил использовать их для подготовки священнослужителей.

Впервые на общецерковном уровне вопрос духовного образования был урегулирован в «Духовном регламенте», изданном в 1721 г. Перечисляя обязанности архиерея, законодатель пишет:

Вельми ко исправлению церкви полезно есть сие, чтоб всяк Епископ имел в доме, или при доме своем школу для детей священнических, или и прочих, в надежду священства определенных. А в школе той был бы учитель умный и честный, который бы детей учил не только чисто, ясно и точно в книгах честь (что хотя нужное, обаче еще недовольное дело), но учил бы честь и разуметь... А который бы ученик был крайне туп, или хотя и остроумен, да развращен, и упрям и непобедимой лености, таковых бы, по довольном искушении, отпускать от школы, отняв им всю надежду чина священническаго⁴.

Составленный со свойственными Петровской эпохе образностью языка и прагматичностью норм, «Духовный регламент» четко определил функцию духовного образования как ценза для принятия священного сана. Этим же документом в очередной раз под угрозой наказания запрещено рукополагать в священный сан лиц, не имеющих образования. Кроме того, он установил бесплатность духовного образования, возложив расходы на содержание духовных школ на архиерейские кафедры и монастыри.

«Духовный регламент» предусматривал создание в Российской империи трехступенчатой системы духовного образования. Духовные училища должны были стать начальной ступенью этой системы, далее выпускникам училищ предстояло обучаться в семинариях, а затем в академиях. Тем самым был заложен общий принцип иерархической структурированности и преемственности российской духовной школы, который сохранялся вплоть до разрушения системы духовного образования в 1917 г.

² ПСЗ. Т. V. С. 86. № 2778.

³ Пекарский П. П. Наука и литература при Петре Великом. Т. 1. СПб., 1862. С. 126.

⁴ ПСЗ. Т. VI. С. 323. № 3718.

На первом этапе формирования системы духовного образования законодатель сосредоточил внимание на ее начальном звене — духовных училищах. Большинство законодательных актов Петровской эпохи касаются именно их деятельности. Впоследствии многие из образованных на основании нормы «Духовного регламента» духовных училищ трансформировались в духовные семинарии.

«Духовный регламент», обязав детей духовенства обучаться в духовных училищах, не освободил их от обучения в цифирных школах. Эта коллизия была разрешена императорской резолюцией на докладе Святейшего синода от 19 ноября 1721 г., по которой дети из духовного сословия были обязаны обучаться в духовных училищах, а не в цифирных школах⁵. Таким образом произошло разделение системы образования по сословному принципу.

Данная реформа породила немало организационных проблем при ее реализации. 13 марта 1722 г. Академическая канцелярия, в ведение которой были переданы цифирные (арифметические) школы, доносила Синоду, что «некоторые архиереи и губернаторы неохотно, или, по крайней мере, медлительно» исполняют указы о передаче цифирных школ в ведение Санкт-Петербургской академии⁶. В ответ на это обращение Синод разъяснил, что от обучения в цифирных школах освобождаются дети священнослужителей, а дети «архиерейских домовых служителей, монастырских слуг и прочих подчиненных Синоду людей» подлежат обучению в цифирных школах. В синодальной резолюции четко прописан запрет иметь и содержать при архиерейских домах учителей цифирных школ, а самим школам велено искать для себя помещения при содействии светской власти. Впоследствии данная норма была подтверждена и светской властью в форме сенатского указа⁷.

Пришлось столкнуться Синоду и с определенным противодействием светских властей, которое, в частности, выразилось в принудительном наборе детей священнослужителей в цифирные школы. Так, осенью 1722 г. о подобных действиях в Синод писал архиепископ Сарский и Подонский Леонид. Владыка жаловался на незаконные действия орловского воеводы подполковника И. В. Хрипунова, который (со слов архиерея) заявлял: «Я-де Синоду и архиерейского указу не слушаю, а детей ваших в школу буду брать»⁸. Синод в этом деле встал на сторону архиерея и потребовал перевести учеников духовного сословия в архиерейскую школу, предложив архиепископу требовать «сатисфакции» в Сенате. Любопытно, что в дело-производстве Синода отложились и жалобы светских властей на духовенство, отказывающееся учить своих детей в цифирных школах. В том же

⁵ ПСЗ. Т. VI. С. 457. № 3854.

⁶ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода (далее — Описание...). Т. II, ч. 1. СПб.: Синодальная типография, 1879. Стлб. 516–517. № 378.

⁷ ПСЗ. Т. VI. С. 781. № 4105.

⁸ Описание... Т. II, ч. 2. СПб., 1878. Стлб. 506–508. № 1168.

1722 г. в Синод трижды жаловался воевода Шацкой провинции, требовавший обучения священнических детей исключительно в светских учебных заведениях. В удовлетворении жалобы Синодом было отказано⁹. Таким образом, Синод занял четкую позицию, ориентированную на разделение светского и духовного образования, и в дальнейшем ее придерживался.

Указом от 31 мая 1722 г. Синод решает еще одну важную проблему функционирования духовных школ — нехватку учебников. Предписывалось напечатать в Московской типографии новый тираж «Грамматики» и вместе с недавно напечатанными «Букварями» разослать его по епархиям. Всего по этому указу было разослано 900 экземпляров «Букваря» и 920 экземпляров «Грамматики»¹⁰.

Еще одна проблема, с которой столкнулась система духовного образования, — мотивация детей (и их родителей) к обучению в духовных школах. В решении этого вопроса в полной мере проявился характерный для Петровской эпохи прагматизм. Основными мотивирующими факторами для обучения стали возможность дальнейшего рукоположения в священный сан и исключение детей священников из оклада подушной подати. В условиях достаточно высокой закрытости духовного сословия и частого наследования священнических и диаконских мест эти факторы были значимы для духовенства. Упомянутый выше указ Синода от 31 мая 1722 г. гласил:

А ежели кто из церковнических детей, которые уволены от подушного оклада и для произведения в священство определены в тех школах, явятся в том нерадивы и леностны, у тех отнять всю надежду священства и церковного причта и приобщить тех ленивцев к числу таковых церковнических детей, которые как излишние и свыше потребы церковного причта бывшие, включены в подушный оклад¹¹.

Судя по имеющимся источникам, вопрос исключения детей священнослужителей из оклада подушной подати решался медленно и со значительными затруднениями. Синоду приходилось отвечать на многочисленные жалобы по этому поводу. Косвенным отражением данных проблем в законодательных памятниках стало многократное повторение нормы в указах различной формы. Так, 1 сентября 1723 г. через архиепископа Новгородского Феодосия был объявлен очередной именной указ, требовавший обучения детей священнослужителей в духовных школах в связи с их освобождением от подушного обложения¹².

Естественно, возникли и финансовые проблемы с содержанием духовных школ. Предусмотренных «Духовным регламентом» источников финансирования очень часто не хватало. Епархиальные архиереи были вынуждены обращаться за решением этих вопросов в Синод. Так, митро-

⁹ Описание... Т. II, ч. 1. Стлб. 14–15. № 775.

¹⁰ Там же. Стлб. 517. № 378.

¹¹ Там же. С. 518. № 378.

¹² ПСЗ. Т. VII. С. 105–106. № 4291.

полит Коломенский Иоанникий сообщал Синоду о невозможности содержать школу и школьников из-за неурожая и недостатка денежных средств. По этому вопросу было вынесено определение Синода от 17 июня 1723 г., предполагавшее содержание за счет установленных законом средств детей нуждающихся священнослужителей, а остальные должны были содержаться «из своего кошту»¹³. В данном случае мы имеем дело с частной практикой введения своекоштных учеников в системе духовного образования; из документа не следует, что такое право давалось всем архиереям. Однако дальнейшее усугубление материальных трудностей приведет к тому, что система деления учеников духовных учебных заведений на своекоштных и казеннокоштных станет общепринятой.

Однако некоторые епархиальные архиереи предпринимали меры к самостоятельному изысканию средств для содержания духовных школ, обращаясь к Синоду за санкционированием предложенных ими решений. Определенный интерес представляет метод решения проблемы, предложенный епископом Белгородским Епифанием (Тихорским). Владыка воспользовался конфликтной ситуацией, связанной с распределением доходов от совершения молебнов перед чтимой Каплуновской иконой Богоматери. Как сообщает архиерей, изначально доходы поступали в Ахтырский монастырь, насельники которого и совершали богослужения у чтимого образа. В мае 1720 г. местные священники через князя А. Д. Меншикова смогли добиться именного царского указа о передаче доходов им¹⁴. Указ издан еще до образования Святейшего правительствующего синода, поэтому исходил от светской власти. В своем обращении в Синод епископ Епифаний сетует на то, что священники «богатеются напрасно, могли бы довольствоваться одним приходом, понеже дворового числа всем священникам будет довольно», при этом славяно-латинская школа в Белгороде испытывает большие финансовые трудности¹⁵. Синод 20 ноября 1724 г. определил, что доходы следует направить в Белгородский архиерейский дом для содержания учеников и учителей архиерейской школы. Особо оговаривался целевой характер расходования этих средств — исключительно на образование. В качестве мотивации такого решения Синод высказался о том, что указ 1720 г. был принят «без всяких резонов» еще до создания синодальной системы управления¹⁶. Этот указ — пример отстаивания Синодом приоритетных интересов церкви, к которым, безусловно, тогда относилось формирование системы образования, перед локальными интересами отдельных монастырей и приходов.

Проблемы возникали не только с содержанием учеников и преподавателей, но и со строительством специальных зданий для школ. Здесь тоже не обошлось без конфликтов между светскими и духовными властями.

¹³ Описание... Т. II, ч. 1. Стлб. 518–519. № 378.

¹⁴ Там же. Т. IV. СПб., 1880. Стлб. 75. № 75.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. IV. СПб., 1876. С. 285. № 1421.

Так, осенью 1722 г. митрополит Воронежский Пахомий жаловался в Синод на губернатора Измайлова, отказавшегося разрешить рубку леса для строительства архиерейской школы в Воронеже. Синод направляет специальный указ с требованием выделить лес «неотложно»¹⁷. Показательно, что и в этом, и в целом ряде других случаев Синод вынужден применять ручное регулирование для разрешения конфликтов светских и духовных властей на местах с целью обеспечить реализацию задачи по формированию системы духовного образования. Следует отметить, что архиерейская школа в Воронеже так и не была открыта.

Результаты активной политики Синода в сфере формирования системы духовного образования в России выразились прежде всего в создании сети духовных учебных заведений. О результатах работы можно судить по отчету, который был подготовлен Синодом для Верховного тайного совета и императора на основе ведомостей, присланных из епархий в 1727–1729 гг. По данным этих ведомостей, в духовных школах насчитывалось 2759 учеников¹⁸. Однако рассмотрение ведомостей показывает, что состояние школ было весьма различным. Некоторые епархии вообще не создали учебных заведений. Так, из Крутицкой епархии рапортовали о том, что свою школу не создали, а детей священнослужителей направляют в московскую «славянолатинскую школу»¹⁹; об отсутствии школ сообщали из Переславской, Астраханской и некоторых других епархий²⁰. В отдельных епархиальных городах (например, в Великом Устюге) школы были открыты, просуществовали непродолжительное время и исчезли вследствие финансовых и иных трудностей²¹.

Анализ отчетов в Синод о деятельности архиерейских школ указывает на несколько основных особенностей функционирования системы духовного образования в России в 1720-е годы. Во-первых, отсутствовала четкая образовательная программа: каждая школа определяла спектр и объем изучаемых предметов, ориентируясь на наличие преподавателей, возможности учеников и т. д. Во-вторых, практически все школы столкнулись с финансовыми сложностями, при этом правящие архиереи должны были искать выход из сложившейся ситуации преимущественно самостоятельно. В-третьих, не удавалось решить проблему кадрового обеспечения духовного образования, механизм подготовки преподавателей отлажен не был. Ключевой фактор функционирования духовных школ того периода — полная зависимость образовательной системы от правящего архиерея. Многочисленные примеры показывают, что заинтересованные владыки изыскивали возможности для открытия школ в самых сложных ситуациях, находя и помещения, и финансы, и кадры.

¹⁷ Описание... Т. II, ч. 2. Стлб. 267–268. № 1004.

¹⁸ Там же. Т. VII. СПб.: Синодальная типография, 1885. Стлб. 238–239. № 223.

¹⁹ Там же. Стлб. CXV–CXVI.

²⁰ Там же. Стлб. CXXXIX.

²¹ Там же. Стлб. CXXXVIII.

В политике Святейшего правительствующего синода в области духовного образования в первой четверти XVIII в. следует отметить несколько особенностей. Прежде всего, это частный, казуальный характер регулирования. Значительная часть определений представляет собой реакцию на обращения иных органов власти или архиереев, далеко не все из них имеют общеобязательный характер, многие определения касаются конкретных школ и архиерейских кафедр. Целый ряд таких частных определений впоследствии приобрели общецерковный характер.

Основной целью синодальной политики была реализация воли высшей светской власти по созданию системы духовного образования. Практическая реализация этой цели оказалась весьма сложным делом. Из проанализированных документов видна заинтересованность духовных властей в формировании образовательной системы на общегосударственном уровне; такая заинтересованность подкреплялась и активной позицией ряда епархиальных архиереев. Масштабность и высокая скорость петровских преобразований породили ряд сложностей, в том числе бюрократических, которые затруднили реализацию норм «Духовного регламента». Требования о формировании системы архиерейских школ, закрепленные в «Духовном регламенте», в полной мере выполнены не были, однако созданная совокупность школ стала основой для дальнейшего поступательного развития духовного образования в России.

Статья поступила в редакцию 11 сентября 2019 г.

Статья рекомендована к печати 29 ноября 2019 г.

Информация об авторе:

Красиков Алексей Николаевич — преп.; Istorik-vologda@yandex.ru

State and church regulation of theological education in Russia in the first quarter of the 18th century

A. N. Krasikov

Vologda Theological Seminary,
2, Monastyrskaya ul., Vologda, 160901, Russian Federation

For citation: Krasikov A. N. State and church regulation of theological education in Russia in the first quarter of the 18th century. *Issues of Theology*, 2019, vol. 1, no. 4, pp. 532–540. <http://doi.org/10.21638/spbu28.2019.405> (In Russian)

This article attempts to analyze the state's and church's legal regulation of the establishment of spiritual education in Russia. The article considers normative acts and records which determined the policy of the Sacred Governing Synod in the development of a system of spiritual education in Russia in the first quarter of the 18th century. At this time, the task of creating a system of theological education was on the agenda. In contrast to Western Europe, in Russia before the beginning of Modernity such a system did not exist, and the acute need for its creation was due to the requirements of an extensive network of church parishes. Therefore, the system

of spiritual education had to be built “from scratch” with a sufficiently high inertness of the spiritual caste. The article illustrates that the main purpose of the synodical policy was the realization of the will of the highest secular authority to create a system of spiritual education, primarily, of elementary mathematical and episcopal schools. This practical task implied the implementation of the norms of the “Spiritual Regulations,” but it was complicated by the scale and speed of Peter the Great’s reforms, as well as by a number of purely bureaucratic obstacles. Nevertheless, the basic principles of spiritual education were gradually established in Russia, such as principles of cast limitation, continuity, and obligatory character for the adoption of the sacred ministry. The set of schools created during this period became the basis for further progressive development of spiritual education in Russia.

Keywords: Cypher schools, bishoply schools, Holy Synod of Government, theological education, basic principles of spiritual education.

References

Pekarsky P.P. (1862) *Science and Literature under Peter the Great*, vol. 1. St. Petersburg, Tipografiia Tovarishchestva “Obshchestvennaia pol’za” Publ. (In Russian)

Received: 11.09.2019

Accepted: 29.11.2019

Author’s information:

Aleksey N. Krasikov — lecturer; Istorik-vologda@yandex.ru